

НИКОЛАЙ ЯМСКОЙ

Московские бульвары:

ОТ
СОЙМОНОВСКОГО
ПОРОГА
ДО
ТВЕРСКОГО
БУЛЬВАРА

НАЧАЛО ПРОГУЛКИ

ОТ СТАНЦИИ
«Любовь»

ДО СТАНЦИИ
«Разлука»

Николай Ямской

**Московские бульвары:
начало прогулки. От станции
«Любовь» до станции «Разлука»**

«Центрполиграф»

2012

Ямской Н. П.

Московские бульвары: начало прогулки. От станции «Любовь» до станции «Разлука» / Н. П. Ямской — «Центрполиграф», 2012

Помните ли вы, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите» появляется злополучный трамвай на Патриарших? Неожиданно. Зловеще осветившись изнутри электричеством. С выключенными против всех правил лобовыми фонарями и подсветкой маршрутной вывески. Слава богу, что в нашу жизнь такой предвестник врывается не каждый день. И чаще всего мы встречаемся совсем с другими трамваями. «Букашка» возила пассажиров по Садовому кольцу – это по ее протоптанной тропе ныне то едет, то стоит в пробках троллейбус с аналогичной литерой «Б». «Верочка» тархтела в районе Таганки. А вот «Аннушка», которая впервые вышла на линию в 1911 г., не только в истории Москвы, но и в судьбе нескольких поколений ее пассажиров сыграла особую роль. Маршрут «Аннушки» был замечательный, потому что большим изъяном Бульварного кольца являлось то, что кольцом-то оно по существу никогда не было. О том, почему так получилось, разговор особый. Итак, начнем прогулку по большим московским бульварам, которые ничуть не хуже, а может, и много лучше парижских. В этой книге автор проведет читателя из всего десятикилометрового пути лишь первую треть. Но сколько жизней и историй вмещает этот отрезок!

© Ямской Н. П., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

От автора «Аннушкин» маршрут, или вы еще так не гуляли	5
Глава 1 На пороге белого города	8
Цена исторической пяди	8
О странностях градостроительной любви	9
Очевидность фундаментальных основ	10
Единство базиса с надстройкой	11
Столичные рецидивы «точечного самостроя»	12
Флора цвета пыльного хаки	13
Положение обязывает	14
Игра производительных сил со средствами производства	15
О борьбе с пережитками	16
В духе большого советского лесоповала	17
Беда подоспела вовремя	18
На линии огня	19
Мир входящему	20
От бульвара Sunset до бульвара Sunrise	21
Откуда же одиннадцать?	22
Глава 2 «А утром стоят кредиторы – Вера, Надежда, Любовь...»	23
Острова на двоих	23
Зеленый островок	24
От оригинала к реконструкции	25
Время решать и время скидываться	26
Дворец искусств как символ веры	27
Из личных впечатлений	28
В зоне особого притяжения	30
Под сенью величественной тени	31
Терем с причудами в стиле модерн	32
Оригинальное творение оригинальных создателей	33
Голос из прошлого	34
Глазурь вечной молодости	35
Кто имеет и кто охраняет	36
Избранные места в «засекреченных» интерьерах	37
Домашняя «Третьяковка»: где же оригиналы?	38
Когда «распил» еще называли «экспроприацией»	39
Победитель получает всё	40
Лестница на «Монпарнас»	41
Дети райка	43
Рождение «Летучей мыши»	44
Полночные шутки богов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Петрович Ямской

Московские бульвары: начало прогулки. От станции «Любовь» до станции «Разлука»

От автора «Аннушкин» маршрут, или вы еще так не гуляли

Помните ли вы, читатель, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите» появляется злополучный трамвай на Патриарших?

Неожиданно. Зловеще осветившись изнутри электричеством. С выключенными против всех правил лобовыми фонарями и подсветкой маршрутной вывески.

Обычных пассажиров с кондуктором в нем, похоже, и вовсе не было. За управлением, внезапно придав движению трамвая добавочную скорость, сидела только вагоновожатая – молоденькая красавица комсомолка с алой повязкой...

Словом, не привычное каждому из нас с детства транспортное средство, а какой-то «Летучий голландец» – как известно, предвестник неминуемой, уже кем-то наверху запланированной беды.

Слава богу, что в нашу жизнь такой предвестник врывается не каждый день. И чаще всего – во всяком случае, в обиходе – мы встречаемся совсем с другим трамваем.

В нашем роду возможность прокатиться на самом первом в Москве электрическом экипаже, который появился на московских улицах 25 марта 1899 года, реально существовала лишь у моего дедушки Яна Викентьевича. Однако если он ею и воспользовался, то, скорее всего, лишь разок-другой. Потому что весомых резонов пользоваться чаще просто не было. Ведь маршрут первенца пролегал от Страстной площади до Петровского парка. А дедушка – в ту пору степенный мужчина средних лет – проживал со своей регулярно пополнявшейся детьми семьей аж у Сретенских ворот.

И свой главный ежедневный маршрут до 1-й Городской телефонной станции в Милютинском переулке, где он много лет трудился мастером участка, преодолевал неспешным шагом за какие-то семь – десять минут. По всем другим бытовым надобностям сподручней было пользоваться конкой – единственным тогда в городе общественным транспортом. Иное дело двенадцать лет спустя, когда эта монополия прочно перешла к вагону с электрическим мотором. Именно тогда – каждый по своему маршруту – по Москве покатали трамваи с литерами «А», «Б» и «В», которые Ян Викентьевич, как и все тогдашние москвичи, ласково называл «Аннушка», «Букашка» и «Верочка».

«Букашка» возила пассажиров по Садовому кольцу – это по ею «протоптанной тропе» ныне то едет, то стоит в пробках троллейбус с аналогичной литерой «Б».

«Верочка» тарыхтела и «чапала» в районе Таганки.

А вот «Аннушка», которая впервые вышла на линию в 1911 году, в истории не только Москвы, но и судьбе нескольких поколений ее пассажиров сыграла особую роль. Да взять хотя бы мою родню! В год «Аннушкиной» премьеры у Яна Викентьевича и его супруги Марьи Алексеевны после четырех девочек и двух мальчиков родился третий, младший сын – впоследствии мой отец. После чего аж все последующие шесть десятилетий трамваи с литерой «А» ездили мимо раскиданных по всему историческому центру семейных гнезд моей родни. Словом, служили эдаким домашним перевозчиком.

Впрочем, маршрут был и без того замечательный. До октября 1917-го сами трамвайщики называли его «серебряным». Главным образом потому, что пассажир в «Аннушке» был преимущественно интеллигентным, чиновным. В общем, той породы, которая за проезд не медяками расплачивалась, а серебром и даже ассигнациями.

Оно и понятно. «Аннушка» двигалась по обводу исторического центра Москвы, ее самой нарядной части – представительской, театральной, магазинной. Да и сам по себе маршрут, на три четверти своей протяженности совпадавший с Бульварным кольцом, отличался особой живописностью. Так что пассажиры, заняв в «Аннушке» левые по ходу движения скамейки, зимой наслаждались видами укутанных снегами аллей. А летом обдувались из открытых окон ветерком, пронизанным свежестью густой, весело шелестящей на солнце листвы.

Напомню еще раз: другого общественного транспорта, кроме трамвая, в начале прошлого века в Москве не существовало. Первобытный выхлоп редких автомобилей погоды не делал. А полностью уступившие им впоследствии место конные экипажи производили всего лишь навоз.

Так что экология была будь здоров!

Единственным, так сказать, изъяном Бульварного кольца являлось то, что кольцом-то оно, по существу, никогда не было. О том, почему так получилось, разговор особый. Пока же обозначим границы разрыва: на западе оно обрывалось у Пречистенских ворот, а на востоке у Яузских.

Тем ценнее личный вклад «Аннушки», которая в годы своей молодости эту обидную незавершенность легко скрадывала. Ибо ни на западном обрыве кольца у Пречистенки, ни на восточном у Яузских ворот не разворачивалась, а продолжала свой круговой пробег по Кремлевской и Москворецкой набережным. Чем избавляла Бульварное кольцо от его «кольцевой неполноценности».

Любопытно, что такую же соединительную роль «Аннушка» сыграла в судьбе моих родителей. Ибо серьезно поспособствовала их решению создать семью. Впрочем, подробности потом. А пока ограничусь констатацией. В этом браке они прожили долгую и в общем-то счастливую совместную жизнь. Потеряв до войны сына, а во время нее – дочь, все-таки вырастили еще двоих сыновей. В том числе и вашего покорного слугу – автора этих строк, которого «Аннушка» потом возила по Бульварному кольцу добрых полвека.

Впрочем, если о самом маршруте, то он, увы, с годами все больше укорачивался. Трамвай потихоньку вытеснялся троллейбусом. В иных случаях стало гораздо удобнее пользоваться метрополитеном. Да и вообще с какого-то момента я вдруг обнаружил, что мне куда интересней ходить по Бульварному кольцу пешком. И при этом даже не сразу заметил, как оброс спутниками, которым такие прогулки тоже были в кайф. Попутно – вольно или невольно – стала формироваться некая довольно солидная копилка документальных материалов, личных впечатлений и чужих живых свидетельств об окружающей бульварной среде. Собственно, из всего этого и родилась, в конце концов, данная книга – довольно субъективная, чтобы повторять общие места; но все же и не столь оторванная от общепризнанных источников, чтобы махнуть на нее рукой, как на полную отсебятину. От дальнейшего самостоятельного углубления в предмет чтение предложенного текста вас конечно же не избавит. Но может, как минимум побудит. А еще, надеюсь, сократит хлопоты на изыскание того, что автор для себя уже открыл.

Кстати, далеко не все открытия обходились без «горчинки». Одна из них случилась в мае 1995-го. Тогда не стало матери. На следующий после похорон день ноги сами принесли меня на Сретенку, к старому семейному очагу. Потом вывели к одноименному бульвару. Да так, что, отмахав на каком-то нерве, считай, три четверти кольца в западном направлении, присел на скамейку только на самом излете Гоголевского бульвара.

Вот тут-то и догнала меня мысль, что в общем-то притопал я к тому самому месту, где шестьдесят три года назад под трамвайный перезвон спящей параллельно бульвару «Аннушки» мои мать с отцом запустили механизм, имя которому – «продолжение рода».

Много с той поры воды утекло! Из состава основанной ими семьи остался лишь я. Да и след той легендарной, кольцевой «Аннушки» давно простыл. А вот совпадающий с Бульварным кольцом маршрут, по которому мои родители проехали от станции «Любовь» до станции «Разлука», все равно остался.

Но ведь если не замыкаться только на себе, это, по сути, маршрут каждого живущего на земле.

Отсюда – название книги. И ее несколько ретроспективный, тронутый легкой ностальгией взгляд, брошенный по сторонам во время воображаемого с вами, читатель, путешествия.

С подзаголовком еще проще. Потому что мы и в самом деле не станем, как говорят в Одессе, «заправлять шубу в трусы». А будем «гулять постепенно». Тем более что Большие московские бульвары не хуже, а по мне так и много лучше парижских.

Впрочем, не автору решать. Его дело – поманить. А все остальные вольны гулять, как им хочется.

Глава 1 На пороге белого города

Цена исторической пяди

Для начала о том, почему Бульварное кольцо так и не закольцевалось.

Тут первым делом приходит на ум словосочетание «от ворот поворот». Ведь не только когда-то «Аннушка», но и ныне следующий по бульварному маршруту транспорт то останавливается, то разворачивается у каких-нибудь ворот – Сретенских, Пречистенских, Покровских...

Давно уже в Москве трудно найти простачка, который, услышав или прочитав данные названия, и в самом деле станет искать глазами некие ворота. На удочку попадаются разве что впервые посетившие столицу провинциалы. Да и то лишь те, кто предварительно поленился заглянуть в Интернет.

Между тем ворота действительно были. Как и насыпной земляной вал, который с конца XVI века сменили мощные каменные стены высотой до десяти и шириной до шести метров. Вместе с двадцати семью могучими башнями (проездные ворота были только в десяти) над возведением стен трудились семь тысяч каменщиков.

Строители были свои, местные – тогда как-то без гастарбайтеров обходились. Да и во главе работ стоял Федор Савельев по прозвищу Конь. Правда, поговаривали, что у него имелись итальянские корни. Но если и так, то, судя по имени-фамилии, предки его основательно натурализовались.

Вот стараниями этого отменного мастера с его стройкомандой из отборных горододелцев Москва и обзавелась третьим десятикилометровым оборонительным поясом, который, сомкнувшись на юге с Китайгородской и Кремлевской стенами, на протяжении двух веков с запада, севера и востока надежно прикрывал Белый город от набегов непрошенных гостей.

Современному москвичу эту обороняемую, размером примерно пятьсот тридцать три гектара площадь представить нетрудно. По границам она вполне совпадает с нынешним Центральным округом. И хоть черта эта глазу не видна, преодолимость ее ныне перекрыта такой стоимостью за квадратный метр жилой площади, что никаких железных кованых ворот, никаких высоченных каменных заборов не требуется. Достаточно конкурса, который ни один супостат не пройдет. Если, конечно, он не ну очень дорогой VIP-инвестор.

Все остальные могут отдыхать...

О странностях градостроительной любви

Собственно, именно для этих «всех остальных» и были созданы бульвары. Причем как раз тогда, когда нужда в крепостной фортификации отпала. А у высшего руководства страны в очередной раз проснулся острый интерес к градостроительным делам.

Самыми увлеченными данным занятием имперскими заказчиками были Петр I и Екатерина II. Правда, довольно распространенное среди историков мнение гласит, что и он, и она все свое сердце отдавали Петербургу, а Москву не очень-то жаловали. Некоторые даже до сих пор утверждают, что наиболее радикальному преобразованию Первопрестольной более способствовал опустошительный пожар 1812 года. В советское время эта точка зрения тоже не опровергалась. Но официально меркла перед генеральным планом 1936 года, воспетым в сталинские и даже постсталинские времена в качестве «первого в истории».

На самом же деле как раз императрица Екатерина чрезвычайно поспособствовала тому, чтобы в Первопрестольной были возведены здания Университета на Моховой, громадный Воспитательный дом, Екатерининский и Павловский дворцы, а также аналогичного названия больницы.

Первый генеральный план Москвы – также по инициативе этой матушки-императрицы – разработали в 1770-х годах. Собственно, это согласно ему крепостные стены Белого города и снесли. А на их месте разбили бульвары, которые, между прочим, как раз при Сталине чуть было не «обезлесили».

Кстати, сама практика подобного обустройства пришла к нам из-за рубежа. Как и само слово «бульвар», которое переключало на Русь из французского языка. А туда оно в свою очередь внедрилось из немецкого, где дословно означало «крепостная стена».

Очевидность фундаментальных основ

Организационно старт проекту был дан в 1774 году основанием Каменного приказа. По первоначальному замыслу этому учреждению предписывалось внести в развитие Москвы плановое начало. В том же предписании содержалось и конкретное указание: стены разобрать, место разровнять и «к украшению города обсадить деревьями, а излишнюю землю и щебень употребить в пользу обывателей».

Бойчее всего разобрались со стенами. Благо никто уже давно за крепостными бастионами не прятался, стража с башен исчезла, да и ворота на ночь не запирались. Поэтому – по крайней мере, официально – камень и кирпич от бывшего защитного пояса Москвы пошли на постройку Воспитательного дома на Москворецкой набережной и резиденции генерал-губернатора на Тверской. Со знаменитым подмосковным белым камнем, из которого было сложено основание стен, каждый желающий может сегодня познакомиться в оригинале, побывав в подземном переходе из метро «Китай-город». При прокладке перехода в сторону Варварки и Китайгородского проезда строители обнаружили фундамент одной из крепостных башен. Вот его-то и оставили у всех на виду, дабы каждый мог полюбоваться творением древних мастеров.

Единство базиса с надстройкой

Еще одна историческая кладка обнаружилась сравнительно недавно, зимой 2009 года. Но речь об этой сенсационной находке пойдет впереди, когда очередь дойдет до Покровского бульвара. А пока чуть задержимся у выставленного для обозрения старинного башенного фундамента в Китай-городе. Тем более что эта задержка поможет нам разобраться с тем, что почти двести пятьдесят лет назад называлось Белым городом.

Ну, со вторым словом все однозначно: город – это от «ограды», от «огороженного места». А вот первое связано с несколькими версиями.

Те историки, которые прежде всего зрят в финансовый корень, считают, что данная приставка к «городу» – от некоей элитарной природы огражденных от всего прочего «белых земель», кстати освобожденных, кроме всего прочего, от земских податей.

Другие придерживаются иного, но тоже прикладного объяснения. Они обращают внимание на тот факт, что не только основание, но и кладка густо выбеленных известкой стен была «белокаменной». Словом, того самого колера, что издревле празднично доминировал в «элитном» московском градостроительстве. Ибо так уж издревле на Руси повелось, что у «белых» людей даже застенки белые.

Столичные рецидивы «точечного самостроя»

Пока стараниями Каменного приказа демонтировали стены и ровняли рельеф, не очень-то уповающие на верховную милость обыватели и «муниципалы» тоже не зевали. Да так, что когда дело дошло, собственно, до обустройства бульваров, большая часть отведенной под обсадку полосы оказалась застроена как казенными, так и партикулярными, то есть частными строениями. По этой причине сложилась в чем-то схожая с нынешними градостроительными реалиями ситуация. Сносить казенную недвижимость у московских властей рука не поднималась. А владельцы же частных зданий, разумеется, всеми правдами и неправдами сопротивлялись реализации проекта. В результате столь дружного саботажа дело так забуксовало, что все созданное в период с 1782 по 1784 год уложилось лишь в кое-как обустроенный отрезок от Никитских до Петровских ворот. Именно здесь самострой был впервые повержен, вал срыт, ров засыпан. Полного триумфа, однако, все равно не случилось. Это ведь только в какой-нибудь Франции стену снесли и сразу в бульварной зоне зеленеть начало. А в России – любое, даже хорошо апробированное другими народами, ноу-хау часто пасует перед неистребимыми в веках «авось да небось». Ну натыкали кое-как на выправленной и выровненной дистанции два ряда березок. А они помучились, помучились да и зачахли...

Флора цвета пыльного хаки

Неприхотливые москвичи по такому бульвару все равно гуляли. Но переименовав его в «гульвар».

А как же? «Коль люди на нем гуляют, стало быть, «гульвар» и есть!»

В настоящие бульвары эта притоптанная ногами пыльная полоса стала превращаться лишь в конце XVIII века, при Павле I. Тогда на них более или менее обозначились аллеи, деревья и кустарники. А заодно закрепилось и название. Причем почти на языке оригинала.

Далее все с таким трудом достигнутое разом смел ужасающий пожар войны 1812 года. После чего потребовалось восемь лет упорных трудов, чтобы в конце концов полностью протянуть не без приключений дожившую до наших дней бульварную цепь.

Однако поначалу пышной зеленью она все равно не закудрявилась. А в жаркую, сухую пору деревья вообще стояли серыми от пыли: поливать бульвары почему-то никому тогда в голову не приходило.

Положение обязывает

Диссонанс стал просто вопиющим, когда на месте полностью выгоревших в период наполеоновской оккупации кварталов появилось множество дворянских особняков в стиле ампир с почти обязательным портиком посередине. В обрамлении таких красавцев (некоторые из них ухитрились дожить до наших дней) содержать бульвары в упадке стало просто неприличным. Переживший в 1862 году это жгучее чувство стыда московский генерал-губернатор распорядился провести внезапную и обстоятельную ревизию. По ее результатам бульвары обнесли новыми барьерами, восстановили древесные насаждения и кое-где даже разбили цветники. Тогда же для соблюдения порядка были утверждены особые смотрители. Не говоря уже о дежурных городских, которым было строго предписано следить за тем, чтобы на бульварах находилась только праздная публика. Ездить на велосипеде, возить грузовые тележки, даже просто проходить по аллее с чемоданами, мешками и прочей габаритной кладью было категорически запрещено. За нарушение можно было запросто загреметь в участок, где ослушников ждало составление протокола и выписка штрафа.

Игра производительных сил со средствами производства

Взаимодействие именно этих объективных факторов, а не мифическое рвение зрителей и городских резко поменяло в 1870-х годах облик бульваров и примыкающей к ним застройки. С разорением дворянства большинство домов перешло в руки купечества. Ампириным особнякам да просторным усадьбам, романтично утопающим своими благородно симметричными формами в просторных садах, сначала пришлось несколько потесниться. А уж когда резко подорожала каждая сажень городской земли, и вовсе уступить лучшие места многоэтажным доходным зданиям. С начала XX века плотная тень от этих весьма благоустроенных, но довольно громоздких – как их сразу же сгоряча обозвали – домов-сундуков густо легла на трепетно тянущуюся к солнцу бульварную зелень.

Отчего ценность этих островков живой природы в самом центре города только возросла.

И уж совсем стала драгоценной, когда бок о бок с ними в конце 1890-х годов сначала зазвенела своими колокольчиками конно-железная дорога. А затем и затрезвонили электровагоны уже нами упомянутого легендарного трамвайного маршрута «А».

О борьбе с пережитками

С той поры почти три четверти века каждый пассажир родной сердцу любого старожила «Аннушки» – вольно или невольно, полностью или фрагментарно – чуть ли не ежедневно участвовал в проезде вдоль Больших московских бульваров. И, обозревая окрестности из трамвайного окна, год за годом обнаруживал различные перемены.

Увы, отнюдь не все из них были благостными. А некоторые прямо-таки поражали своим экзотическим характером. Особенно этим грешили во времена крутого перелома эпох. Летом 1918 года, к примеру, привычно следовавшие по своим делам граждане новой республики вдруг увидели из окон муниципального транспорта картину, которая многих повергла в ступор: еще вчера естественного природного цвета деревья на некоторых центральных бульварах вдруг разом приобрели какой-то красно-малиновый и ядовито-зеленый окрас. Как оказалось, это группа молодых левых художников и поэтов – сторонников революционного футуристического искусства взяла да и раскрасила за ночь все стволы и кроны.

Трамвай «Аннушка»

Через некоторое время не менее продвинутые в будущее граждане обоего пола вдруг решили еще более отличиться. И дерзко прошли по Бульварному кольцу в чем мать родила. Никакой вынужденной жизненными обстоятельствами причины эта нагота не носила. Ибо по аллеям вышагивали довольно упитанные мужчины в пенсне и весьма фигуристые дамочки в шляпках. Зато манифестанты несли в руках плакаты с краткой, но все объясняющей надписью: «Долой стыд!»

В духе большого советского лесоповала

Куда целомудреннее выглядели физкультурники. Облачившись в спортивные трусы парусом и майки, они нет-нет да и осуществляли массовый пробег по кольцу «А». Первое такого рода состязание, в котором приняли участие легендарные братья Знаменские, состоялось в 1922 году. Бежать первопроходцам было не просто. Большая часть мостовых вдоль Бульварного кольца была в ту пору уложена булыжником. Состязаться на таком покрытии было травмоопасно. Да и трассу тогда никто даже не думал оцеплять. Так что местами бегуны буквально продирались сквозь толпу зевак и безразлично спешащих по своим делам граждан.

Затея тем не менее привилась. Позднее, правда уже на Садовом кольце, такие соревнования стали традиционными.

А вот футуристов и прочий не ведающий стыда интеллигентский авангард новая рабоче-крестьянская власть довольно быстро укоротила.

Но зато, похоже, надолго заболела своей собственной болезнью, выраженной в народе поговоркой: «Ломать – не строить: душа не болит!» Неистребимая тяга новоявленных начальников к глобальному переустройству мира распространилась даже на вполне аполитичных представителей флоры. В середине 1920-х годов, например, в Советской России возникло такое поветрие: аккуратные, ухоженные группы деревьев во дворах и на улице стало принято считать отголоском мещанства. Над сквериками и бульварами Златоглавой нависла совершенно реальная угроза тотального выкорчевывания. При этом каким-либо серьезным обоснованием своих деяний большевистские «реформаторы», как правило, не утруждались. Для них все списывала идеология. Поэтому в данной истории достаточно было только голословно объявить, что почти все растущие на Бульварном кольце деревья больные, трухлявые. И чем скорее их срубят, тем лучше.

Беда подоспела вовремя

Пока городские «благоустроители» добирались со своими пилами и топорами до старинных московских аллей, концепция еще более ужесточилась. Наряду с безгласной флорой и фауной в Стране Советов взялись за живых людей. Ведь не зря же вдохновленный в конце 1930-х годов товарищем Сталиным Большой Террор по времени точно совпал с утверждением в Моссовете некоего плана столичного «благоустройства». Согласно ему на месте всей подковы Бульварного кольца должно было начаться строительство автомагистрали, получившей название «кольцо А». Однако пока раскачивались, пока согласовывали планы и проекты, грянула война. И в результате – в полном соответствии с известной закономерностью отечественной истории – одну большую беду отвела другая, еще более грандиозная. Вот она-то и заставила поставить крест на этой дурацкой «градоразорительной» затее.

На линии огня

Как ни пела предвоенная сталинская пропаганда о «победоносной войне на территории врага», более двух лет пришлось отбивать нападение фашистов на своей собственной. Причем начинать буквально от столичных пригородов. В октябре 1941 года, когда с подмосковных высот противник в бинокль уже деловито разглядывал окраинные районы столицы, для возведения внутригородского оборонительного рубежа в дело бросили последние «стратегические запасы». Среди прочего на возведение баррикад пустили металлическую ограду Больших московских бульваров – как раз ту самую, которую установили на них еще после опустошительного пожара в пору наполеоновской оккупации Москвы.

Разрушения периода Великой Отечественной войны оказались тоже немалыми. Даже после того, как на подступах к нашей столице враг был отброшен на восемьдесят – сто километров, отдельные прорвавшиеся к городу вражеские самолеты продолжали сеять смерть и оставлять руины. На линии Бульварного кольца фашистская авиация сожгла рынок на Арбатской площади; разрушила фугасными бомбами большой мощности несколько жилых домов; повредила некоторые памятники; оставила огромные воронки на Страстном и Сретенском бульварах.

Мир входящему

Однако стоило той долгой и страшной войне победоносно закончиться, как именно бульвары начали первыми оживать и преображаться. Совсем иная картина стала открываться за окнами трамвая «Аннушка».

Городская статистика послевоенного 1946 года иллюстрировала эти изменения сухим языком цифр, отрапортовав, что «на бульварах центрального полукольца высажено 4000 деревьев и свыше 130 кустарников».

К празднику 800-летия столицы (1947) отправленную в свое время «на войну» старую, местами сетчатую ограду заменили новым узорчатым чугунным барьером. При этом для каждого бульвара – со своим особым, не похожим на других орнаментом.

В 1950—1960-х годах входы оформили монументальными светильниками и вазонами. А примитивные садовые скамейки заменили удобными деревянными диванами единого ГОСТа. Эти трехпролетные, с дощатым покрытием и четырьмя чугунными поперечинами лавки верой и правдой прослужили несколько десятков лет. А первая же попытка в начале 2000-х заменить их изделиями нового образца (без чугуна и спинок) привела к неожиданному результату. Как подметили коммунальщики, на том же Неглинном бульваре посещаемость этого зеленого уголка горожанами сразу же резко снизилась...

От бульвара Sunset до бульвара Sunrise

Когда-то, еще на рубеже XIX–XX веков, круговой бульварный маршрут на тихходной «Аннушке» занимал чуть более часа. Сегодня, когда по бывшему исключительно трамвайному пути отрезками скользят, но чаще ползут или даже стоически дремлют в транспортных пробках троллейбусы и весь остальной транспортный поток, повторить такой пробег, уложившись в означенное время, могут разве что те, кого возят с мигалкой. Всем остальным лучше даже не пытаться. Да и надо ли спешить, если любой из отрезков достоин особой пешей прогулки.

Что мы и беремся далее доказать, двигаясь по бульварной полудуге с запада на восток. И при этом заглядывая (а то и ненадолго отдаляясь) с осевой аллеи в окрестные кварталы, расположенные за внутренним (ближе к центру) и внешним проездами всех одиннадцати бульваров.

Откуда же одиннадцать?

Действительно, откуда? Ведь в любом путеводителе дано лишь десять названий. Да и карта, если, повторюсь, вести отсчет по часовой стрелке от крайней западной точки бульварной дуги – площади Пречистенских ворот до крайней восточной – площади ворот Яузских, говорит о том же самом.

Все так! Да только не будем забывать, что триста лет назад крепостная стена – бывшая первооснова центрального зеленого пояса Москвы – отнюдь не начиналась и не заканчивалась у «пречистенского порога», откуда ныне берет свой разбег Гоголевский бульвар. Она длилась до берега Москвы-реки. А уж оттуда, за одной из красивейших башен Белого города – Семи-верхой (ее воссоздал на своей картине А. Васнецов), – резко поворачивала влево. И по-над берегом убегала аж до кремлевской Водовзводной башни.

Образовавшийся после сноса стены проезд бульваром формально не стал. Но зато в 1960-х годах был обновлен, расширен и засажен зеленью. Словом, приобрел такой вид, что вполне может считаться частью и даже, в нашем случае, началом Больших московских бульваров.

Вот отсюда-то я и приглашаю вас в довольно длительное, десятикилометровое путешествие.

Глава 2 «А утром стоят кредиторы – Вера, Надежда, Любовь...»

Острова на двоих

Не знаю, как других, а меня эти вещие строки из весьма популярной в 1960-х годах песенки Булата Окуджавы посещают довольно часто. Причем, по обычаю, не в самых простых жизненных обстоятельствах. И если речь о нашем родном городе, то в определенных московских точках. Соймоновский проезд – как раз одно из таких мест.

Почему – надеюсь, скоро станет понятно.

А пока лишь замечу, что сам по себе этот проезд хоть и невелик (вся-то протяженность – шагов полтораста, не более), но по части достопримечательностей даст сто очков вперед иному проспекту. Итак, стартуем!

Вообще-то своим нынешним названием проезд обязан господам Соймоновым – дворянам, владевшим здешними землями в XVIII веке.

Однако ж все-таки был период, когда он назывался Лесным. Скорее всего, из-за того, что тогда в его пределах располагался рынок, на котором торговали лесом. Сегодня о запахе пиломатериалов здесь ничего не напоминает. А правит бал напряженный трафик. И неизбежная его спутница – сизая дымка из выхлопных газов. Вот этот запах чаще всего и доминирует.

Но не будем отчаиваться! Кое-что в связи с прежней экологической благодатью в Соймоновском все-таки имеется.

Например, пусть не очень плотная, но все еще как-то сохранившаяся шеренга деревьев по нечетной, застроенной домами стороне проезда. Или небольшой островок зелени, который в свое время возник на месте бывшего пустыря перед церковью Ильи Пророка Обыденного между выездами с Курсового и 3-го Обыденского переулков.

Зеленый островок

Роль же самого главного местного оазиса конечно же играет ныне обширный сквер на противоположной стороне Соймоновского – там, где начиная от Пречистенской набережной и вплоть до Волхонки раскинулась территория всего лишь одного историко-архитектурного объекта. Но зато какого – храма Христа Спасителя, главного кафедрального собора Русской православной церкви!

Впрочем, окружающий его сквер достоин еще одного, особого упоминания. Причем по причине больше знакомой москвичам старшего поколения. Потому что кто-кто, а они-то помнят, что во времена их молодости большинство мест на скамейках занимали влюбленные парочки. Конечно, с общепризнанными по данной части лидерами Бульварного кольца, например Пречистенским (ныне Гоголевским) или Никитским, сквер у храма тягаться не мог. Но влюбленных это место почему-то тоже как-то особенно привораживало. Причем у некоторых взаимное понимание (или как раз полное непонимание) при этом достигало апогея, после чего следовало решение вступить в брак.

Именно так, как уже было замечено, произошло у моих родителей. Правда, случилось это, напомню, все же не на Соймоновском, а на соседнем Гоголевском бульваре. Но так ли уж важна точная привязка по местности, когда существеннее реальный результат?

Иначе вряд ли я вам сейчас что-либо комментировал бы...

От оригинала к реконструкции

Сегодня самое древнее строение в районе проезда – вышеупомянутая каменная церковь Ильи Пророка. Построили ее в 1702 году. А до этого на том же самом месте находилась одноименная, но небольшая и деревянная. Дружно навалившись, местные плотники собрали ее из готовых срубов всего за сутки. Отчего к названию сразу же прилепилась приставка «Обыденная», то есть поставленная за один день. Новую, белокаменную, на собранные прихожанами деньги возводили куда дольше. И вплоть до 1867 года все что-то подстраивали да расширяли: то колокольню, то трапезную. Ход событий никогда церквушку покоем не баловал. В 1748 году она сильно пострадала от пожара. А в первый же год Великой Отечественной войны вообще уцелела лишь чудом. Сброшенная во время очередного налета фашистской авиации тяжелая бомба вполне могла стереть Илью Обыденного с лица земли. Однако просвистела мимо. И разнесла находившееся совсем неподалеку строение номер 3 по Соймоновскому проезду. Причем, как оказалось, сделало это столь «капитально», что дом под таким номером в проезде до сих пор не числится вовсе.

А вот Илья Обыденный, давший, кстати сказать, название сразу трем близлежащим переулкам, как стоял полтора столетия назад, так и стоит.

И еще, Бог даст, стоять будет!

Куда драматичнее оказалась судьба его величавого младшего брата – главного собора страны храма Христа Спасителя. Ибо то, что сегодня все мы лицезреем, увы, не оригинал, а – как это с некоторых пор стало принято называть – регенерация.

Время решать и время скидываться

Впрочем, даже это сооружение умеренной архитектурной новизны заслуживает внимания. Ну, для начала хотя бы потому, что дает повод вспомнить о непростой судьбе оригинала.

Церковь Ильи Пророка в Обыденском переулке

Главный кафедральный собор России, который изначально должен был стать зримым свидетельством помощи Провидения в борьбе с нашествием Наполеона, а также символом русской победы в Отечественной войне 1812 года, заложили еще в первой половине XIX века. А если точнее – в 1839 году.

Любопытно, что по первоначальному, утвержденному еще в 1817 году проекту А. Витберга это грандиозное сооружение должно было глядеть на Москву с Воробьевых гор. Однако следующие десять лет ушли на высочайшие размышления. Пока император Николай I не указал на нынешнее место.

Ну а дальше пошло по вековому, истари заведенному не только на Руси порядку разделения функций: верхи царят и правят, а низы воплощают и жертвуют.

Народ на новый храм начал скидываться дружно и сразу же! Причем согласно общему уговору. В соответствии с ним добровольный вклад каждого изначально ограничивался определенными социальными рамками, дабы самые бедные могли внести посильную для себя лепту, а у состоятельных не появилось искушения покичиться своей щедростью.

Дворец искусств как символ веры

Собор возводили более четырех с половиной десятилетий. И при этом все действительно сделали так, чтобы он стал не только храмом – символом веры, но и своего рода мемориалом – хранителем памяти о героях войны 1812 года. Для чего, например, имена всех сложивших тогда свою голову за Отечество, всех раненых золотыми буквами выбили на мраморных досках. А сами доски установили в круговой галерее вокруг храмового пространства.

Архитектура храма, воплощавшая в себе так называемый русско-византийский стиль, отличалась особой красотой – одновременно и строгой, и величавой. За что особо низкий поклон следовало отдать его создателю – зодчему Константину Тону. Тот, видно, не только постиг разумом, но более всего сердцем угадал, что главный храм страны должен быть таким, каким многим тогда в идеале виделась Россия. То есть великим, но не помпезным. Мощным, но не тяжеловесным.

Из личных впечатлений

Недаром те, кто видел результат собственными глазами, в один голос отмечали удивительную соразмерность собора: он не подминал под себя своей державностью, а вызывал ощущение высоты, гордости, приобщения к вечному и прекрасному.

Эти ощущения возникали у идущих в храм еще на подходе, когда он представал во всей красе своих строгих внешних форм. И еще более усиливались внутри, когда вошедшие обнаруживали себя перед рядами мерцающих золотыми окладами икон, среди изумительной красоты мраморных скульптур и настенных фресок.

Храм Христа Спасителя в 1903 г.

Но с другой стороны, чему удивляться? Ведь над теми же скульптурами и великолепным живописным убранством храма двадцать лет работали лучшие зодчие и художники России: П. Клодт, А. Логановский, В. Суриков, Г. Семирадский, В. Верещагин, К. Маковский и многие другие.

В зоне особого притяжения

Храм освятили в 1883 году. И с той поры его вознесшийся на сто четыре метра главный купол, на отделку которого пошло двадцать шесть пудов отборного червонного золота, без малого добрых полвека не просто царил над старинным городом, но обнаруживал себя еще на дальних к нему подступах. Прибывающие в город свидетельствовали, что гигантский, ярко сияющий на солнце древнерусский шлем храма пылающей звездой поднимался над лесом еще тогда, когда до Первопрестольной оставалось верст шестьдесят.

Незабываемая панорама на малоэтажную тогда Москву открывалась и со смотровой площадки собора. Поэтому сразу же облюбовавшие данную точку фотографы сделали отсюда немало ставших историческими снимков. На них, кстати, хорошо видно, что кое-что из окружающей в те времена храм архитектурной среды неплохо сохранилось до наших дней. Кроме уже упомянутой церкви Ильи Обыденного это изначально принадлежавший храму Христа Спасителя дом номер 7 по Соймаоновскому проезду. А также расположенное через Волхонку на углу Гоголевского бульвара строение номер 2.

Под сенью величественной тени

Правда, в ту пору, когда фронтально глядящий на это невысокое здание собор еще только проектировался, на данном участке располагался лишь небольшой особнячок генеральши Ермоловой. В 1831 году владелица уступила его учреждениям Московского учебного округа, которые расстроились вплоть до Знаменского переуллка, где основные площади сначала занимала легендарная 1-я мужская гимназия, а в 1872 году открылись курсы В.И. Герье – первое в Москве высшее учебное заведение для женщин. С 1996 года в здании разместился Институт русского языка.

Все остальное – если иметь в виду застройку по нечетной стороне Соймоновского – возникло уже «под сенью величественной тени» храма Христа Спасителя. Про маловразумительное строение номер 9, которое до сих пор замыкает квартал на углу Остоженки, сказать что-либо интересное затрудняюсь. А вот об упомянутом доме номер 7 и особенно следующем за ним, сильно ныне переделанном строении номер 5 обязательно упомяну.

Терем с причудами в стиле модерн

Отдельного рассказа заслуживает экзотический дом Перцова на углу с Пречистенской набережной. Причем не просто потому, что в плане он значится под номером 1, а в силу особой общекультурной значимости самого строения, его создателей, жильцов. И конечно, неразделимой связи с историей храма Христа Спасителя. Этот затейливый – с характерной остроконечной кровлей, теремками-балконами и обилием изразцов – дом появился на углу Пречистенской набережной и Соймоновского проезда на излете первого десятилетия прошлого века. И сразу же попал в разряд чуть ли не самых главных достопримечательностей Первопрестольной. Авторитетнейший в ту пору путеводитель «По Москве» издания М. и С. Сабашниковых поместил по этому поводу отдельную, посвященную архитектуре дома статью, которая завершалась словами: «Полная блестящая импровизация в духе сказочно-былинного стиля».

Оригинальное творение оригинальных создателей

Владельцем и в большой степени создателем этого чуда был известный русский инженер-путеец П.Н. Перцов (1857–1937).

Из-за сложных торгов с землевладельцем купчую Петр Николаевич оформил на свою жену Зинаиду Алексеевну, урожденную Повалишину. А к реализации проекта привлек архитектора Н. Жукова – одного из лучших тогдашних специалистов по созданию общего домового плана с привязкой к данному участку земли и художника Сергея Васильевича Малютина.

Дом Перцова

Оформительский проект этого крупного фольклориста, одного из главных создателей знаменитой русской матрешки, одновременно оказался и оригинальным, и функциональным. Постройка гармонично вписывалась в исторически сложившуюся в этом районе архитектурную среду, где доминировали древний Кремль и храм Христа Спасителя. Но при этом удивительно функционально вписывала в себя все, что по задумке инженера Перцова превращало строение в исключительно комфортабельный, удобный для проживания доходный дом.

Голос из прошлого

В своих никогда не опубликованных и бережно хранимых внуком Дмитрием пятисот-страничных воспоминаниях сам Петр Николаевич отзывался о проекте так: «С.В. взял в нем за основу существующую постройку (ранее на пустыре располагалось некое строение, напоминавшее трехэтажный ящик с небольшими окнами. – *Авт.*)... нанес на него четвертый этаж с большими окнами комнат-студий для художников... пристроил к нему по (Пречистенской. – *Авт.*) набережной четырехэтажный особняк (для проживания владельца и его семьи. – *Авт.*) и по (Курсовому. – *Авт.*) переулку – особый отлетный корпус со стильно разработанным главным подъездом, богато покрытым майоликовой живописью. Все здание завершалось высокими, отдельно разработанными крышами, а стены и фронтоны дома были богато украшены пестрой майоликой».

Глазурь вечной молодости

Ныне эти дивные фасадные панно со стилизованными изображениями змей, медведя, быка, рыбы и солнца – один из ярких примеров того, что темпы, эстетика и качество на этой сложнейшей в архитектурном отношении стройке (дом был возведен всего за одиннадцать месяцев) шли рука об руку. По совету Малютина домовладелец Перцов доверил изготовление майолики молодым художникам Строгановского училища. Эти талантливые, но совсем не деловые ребята сидели в ту пору без заказов. Их маленькая артель под уютным названием «Мурава» дышала на ладан. Но Перцов рискнул. И выиграл. Заказ был исполнен в срок. С точным воспроизведением рисунка и раскраски. Да еще так добротнo, что, по свидетельству реставраторов, за весь более чем столетний период существования этих полотен ни одного случая повреждения глазури не наблюдалось.

Кто имеет и кто охраняет

Терем, между прочим, находится под охраной государства. Так, во всяком случае, гласит надпись на типовой фасадной доске. Фактически же если не все, то уж строгий режим на входе точно государство давным-давно передало арендаторам.

Майолика на фасаде дома Перцова

Так что любуйтесь историческими фасадами на ходу! И по тому, как их беззастенчиво завесили ящиками кондиционеров, делайте свои выводы о степени сохранности оригиналов внутри. Лично у меня, например, по этому поводу иллюзий нет. Особенно в связи с одной-единственной, уныло повторяемой во всех описаниях фразой, от которой мороз дерет по коже: «Хорошо сохранились в первоначальном виде вестибюль и широкая лестница».

И это все, что нам на сегодняшний день уберегла «охрана государева»?

Избранные места в «засекреченных» интерьерах

Для получения хотя бы некоторого представления об утраченном лучше всего еще раз процитировать первого хозяина – Петра Николаевича Перцова. Вот как, по его словам, обустраивалась семейная часть дома, то есть та самая, под острой крышей, что и поныне выходит на Пречистенскую набережную: «Салон с панелями и хорами из красного дерева, спальню с нишей и восточную курительную комнату отделывал мебельщик Коршанов, а столовую русского стиля, как и вестибюль и лестницу, – кустари, выписанные С. В. (Малютиным. – *Авт.*) из Нижегородской губернии. С. В. лично руководил резьбой стен, арок, наличников, столовой мебели и всеми работами по отделке комнат. Стены столовой резались из дуба, а арки, наличники и карнизы – из березы. Посудный лифт для спуска кушаний из кухни в буфет при столовой был обделан в виде изразцовой майоликовой печи. Столовая вышла строго стильной. Половина салона от входа с площадки лестницы отведена под кабинет. Красивы вышли хоры с библиотечными на них шкапами и широким под ними камином».

Домашняя «Третьяковка»: где же оригиналы?

Согласно этому же первоисточнику, до 1917 года квартира хозяина дома являла собой настоящую сокровищницу совершенно уникальных произведений искусства, представлявших собой неотъемлемую часть интерьера. В нише большого окна, например, находился цветной витраж «Въезд победителя», изготовленный мастерами Строгановского училища по рисунку самого М. Врубеля. Пространство над письменным столом занимала вмонтированная в стену работа художника Ф. Малявина «Мужик». Через березовую резную арку, отделяющую столовую от комнаты под красноречивым, объясняющим ее назначение названием «Думка», прекрасно смотрелась картина Н. Рериха «Заморские гости».

И это только лишь несколько взятых, что называется, навскидку примеров!

Когда «распил» еще называли «экспроприацией»

В каком состоянии эта красота теперь, при существующем пропускном в дом режиме, – похоже, большая государственная тайна. Из независимых источников удалось выудить лишь кое-какое косвенное свидетельство о состоянии сохранности вещей в особняковой части дома. Он, разумеется, после 1917 года был национализирован. Самого Перцова оттуда выселили. А в 1922 году еще и арестовали, поскольку, будучи членом церковного совета храма Христа Спасителя, Петр Николаевич открыто расценил факт большевистского изъятия из собора религиозных реликвий как акт откровенного вандализма и грабежа.

Победитель получает всё

Новым обитателем бывших хозяйских покоев стал не абы кто, а сам Лев Троцкий. В них этот тогда второй после Ленина «вождь революции» – так сказать, «по-домашнему» – принимал зарубежных дипломатов. А те, пораженные, в своих депешах на родину отмечали, с каким «вкусом» у этого «рабоче-крестьянского комиссара» была обставлена гостиная. И даже тонко подмечали, что костюмы на нем хоть и не очень ладно сидели, но зато отличались прекрасным пошивом. Еще бы! Позже по этим опубликованным описаниям успевшая вовремя оказаться за границей дочь Перцова опознала вещи из гардероба отца.

Как и весь остальной поразивший иностранных гостей «трофейный антураж».

Лестница на «Монпарнас»

Мне один-единственный раз посчастливилось побывать в бывшем доме Перцова в самом начале 1960-х. Да и то лишь в той бывшей доходной части дома, где в советское время располагались квартиры и мастерские художников.

Интерьер дома Перцова

Столовая в доме Перцова

В вестибюле, помню, сразу же бросилась в глаза резная, черного дерева вешалка и огромное, до потолка, зеркало. Помимо них свой явно дореволюционный вид сохраняла еще широкая, с удобными ступенями лестница, которая днем хорошо освещалась через огромные окна. Говорят, изначально их украшали витражи. Но во время войны многие пострадали и были заменены простыми стеклами. Лестница вела к расположенным на трех первых этажах квартирам. А заканчивалась под крышей, перед массивной деревянной дверью, на которой висела табличка с надписью «Студии». Именно в 1907–1917 годах здесь находилось то, что, собственно, и дало в ту пору этому уголку право считаться чуть ли не сердцем московского «Монпарнаса».

Дети райка

Между прочим, в те времена в этом небольшом, но гостеприимном «сердце» места хватало не только художникам, но и многочисленным визитерам. И в частности, группе богемной молодежи, в которой верховодил некий числящийся студентом юрфака Московского госуниверситета Борис Пронин. Вся эта компания регулярно сбивалась на прижившихся здесь чайных посиделках. Роль гостеприимных хозяек на этих чаепитиях разыгрывала стайка милых девушек, среди которых особым очарованием отличалась Верочка Левченко. Буквально через несколько лет так и не доучившийся на юрфаке Пронин перебрался в Петербург. И там, основав знаменитые литературно-артистические кабаре «Бродячая собака» и «Приют комедиантов», обрел звание неформального «короля русской богемы». А красавица Верочка в одночасье превратилась в Веру Холодную – популярнейшую звезду тогда еще немного отечественного кино.

Вера Холодная

Рождение «Летучей мыши»

Первый в России театр-кабаре тоже родился здесь, в бывшем доме Перцова. Но только не в мансардах, а в подвальном помещении, часть которого Петр Николаевич сдал артистам легендарного Московского Художественного театра (МХТ). В начале нового 1908 года они организовали здесь что-то вроде своего закрытого клуба. Собирались, естественно, после спектаклей, отдыхали, непринужденно общались. Изюминкой встреч сразу же стали их веселые, чаще всего импровизационные номера, представлявшие собой пародийные сценки из жизни театрального закулисья.

Элемент пародии содержался даже в названии клуба – «Летучая мышь». Оно явно переключалось со знаменитой, связанной с одноименной чеховской пьесой чайкой, что «парила» на занавесе их основной сцены в Камергерском переулке.

Полночные шутки богов

Ревностно оберегая неприкосновенность внутрицеховой жизни, хозяева, кроме специальных гостей – друзей театра, никого из посторонних в свой специально оборудованный подвал не пускали. Так что Москва в основном питалась слухами. Или добывала сведения из немногих – как правило, повторяющих друг друга – публикаций, вследствие чего из одного в другое кочевали примерно одни и те же сюжеты. Например, о том, как великий театральный реформатор К. Станиславский показывал какие-то основанные на остроумном розыгрыше фокусы; весьма в жизни сдержанная в проявлении своих чувств О. Книппер-Чехова лихо изображала разудалую шансонетку; а великие оперные звезды Ф. Шаляпин и Л. Собинов, забыв на время о своем дивном вокале, увлеченно изображали французскую борьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.